

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский
Джон, принц Ланкастерский } сыновья короля.

Граф Уэстморленд.

Сэр Уолтер Блент.

Томас Перси, граф Вустер.

Генрих Перси, граф Нортумберленд.

Генрих Перси, по прозванию Готспер, его сын.

Эдмунд Мортимер, граф Марчский.

Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.

Арчибальд, граф Дуглас.

Оуэн Глендаур.

Сэр Ричард Вернон.

Сэр Джон Фальстаф.

Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского.

Пойнс.

Гедсхил.

Пето.

Бардольф.

Леди Перси, жена Готспера и сестра Мортимера.

Леди Мортимер, жена Мортимера и дочь Глендаура.

Мистрис Куикли, трактирщица в Истчипе.

Лорды, офицеры, шериф, буфетчик,
трактирные слуги, коридорные,
два извозчика, проезжие и свита.

Действие происходит в Англии в начале XV века.

АКТ I

СЦЕНА 1

Лондон. Тронный зал во дворце.

Сидит на троне король Генрих, стоят, окружая его, принц Джон Ланкастерский, граф Уэстморленд, сэр Ричард Вернон, сэр Уолтер Блент и свита.

Король

Хоть до сих пор волнениям нет конца,
Пора подумать об успокоенье
И подготовке будущей войны,
На этот раз далеко на чужбине.
Отчизна наша больше уст своих
Не будет обогащать сыновней кровью.
Война не будет разорять полей,
Топтать цветов подковами не будет.
Глазами, как огни недобрых звезд,
Смотреть не будут братья друг на друга.
Не будут поножовщина и кровь
Разъединять людей одной породы.
Отныне близкие и земляки
Окажутся в одном ряду друг с другом.
Клинок войны, как нож в худом чехле,
Не будет ранить своего владельца.
Отныне наша цель — Господень гроб.
Сплотимся для крестового похода!
Составим ополчение англичан,
Которых руки в материнском чреве
Крестом сложились, как бы клятву дав

Освободить мечом Святую землю
С пречистыми следами ног Того,
Кто пригвожден к кресту был в этом крае
Четырнадцать веков тому назад.
Хотя мы год твердим об этом деле,
Оно не двигается ни на шаг.
Скажите, что по этому вопросу
Решил совет вчерашний, Уэстморленд?

Уэстморленд

Мы утверждали подати и сборы
Как раз на эти нужды, государь,
Когда пришла дурная весть из Уэльса.
Вождь герфордширцев Мортимер взят в плен
Разбойничьими шайками Глендаура.
Убита тысяча его солдат.
Над их телами женщины Уэльса
Глумились так, что выговорить срам.

Король

Неужто весть об этом избиенье
Оттянет наш задуманный поход?

Уэстморленд

У нас не только это огорченье.
В Воздвиженье при Голмдоне сошлись
Отважный Перси, знаменитый Готспер
И богатырь шотландский Арчибальд.
Бой был кровопролитный поначалу,
Судя по отголоскам их стрельбы.
Чем кончилось сраженье, неизвестно.
Гонец оттуда ускакал верхом
В разгаре боя, до его исхода.

Король

Вот перед вами друг наш Уолтер Блент.
Он весь в пыли и только что с дороги.
Я вас поздравлю. Дуглас побежден.
На поле тысячи солдатских трупов,

Десятки офицерских. Взяты в плен
Сын и наследник Дугласа — граф Мордейк,
Граф Этол, Меррей, Энгус и Ментейс.
Не правда ли, богатая добыча
И громкая победа? Правда, брат?

Уэстморленд

Принц крови был бы рад такой победе.

Король

Увы, нож в сердце мне твои слова.
Завидую отцу Нортумберленду,
Что у него такой удачный сын.
Как лучший ствол среди деревьев леса,
Он выше прочих целой головой.
Он баловень судьбы и гордость века.
В сравнение с ним мой Гарри шалопай.
Как счастлив был бы я узнать, что феи
Нам обменяли наших сыновей
И что мое дитя зовется Перси,
В то время как его — Плантагенет!
Но лучше ран не берeditь. Ты слышал
Про эту дерзость? Перси не дает
Мне пленников, захваченных в сражение,
И на словах передает с гонцом,
Что только графа Файфского уступит.

Уэстморленд

Его так дядя Вустер научил,
Который вам вредит, где только может.
Вот Готспер и зазнался и шумит,
По молодости лет забыв приличье.

Король

Но я за ним послал, чтоб разбранить.
Придется отложить опять на время
Поход крестовый в Иерусалим.

(Поднимаясь с трона.)

Скажите лордам, — в будущую среду
Совет в Виндзоре, — и скорей назад.
Необсужденных дел гораздо больше,
Чем можно наспех в гневе охватить.

Уэстморленд

Все будет сделано, мой повелитель.

Трубы.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Комната принца Генриха.

Входят навстречу друг другу принц Генрих
и Фальстаф.

Фальстаф. Который час, Гарри?

Принц. У тебя так ожирели мозги от десертных вин, расстегивания жилета после ужина и спанья днем по углам на скамейках, что ты спрашиваешь совсем не то, что тебя интересует. Я понимаю, если бы часы были стаканами вина, минуты — жареными курами, стук маятников — болтовней служанок, циферблаты — вывесками трактиров, а само благодатное солнце — доброй горячей девкой в огненно-красной тафте, время дня близко касалось бы тебя. А то какое тебе до него дело?

Фальстаф. Ты попал прямо в точку, Гарри. Действительно, такие ловкачи по чужим карманам, как мы, скорее ночные, чем дневные птицы. И знаешь, душенька, когда ты сделаешься королем, да хранит Господь твою милость, виноват, величество, должен был бы я сказать, потому что милости тебе от Господа не будет...

Принц. Неужели не будет?

Фальстаф. Не будет нисколько, даже на скромный утренний завтрак.

Принц. Ну, допустим. Что же дальше? Короче, короче!

Фальстаф. Так вот, душенька, когда ты взойдешь на престол, позаботься, чтобы нас, рыцарей ночного часа, не звали грабителями среди бела дня. Заведи для нас титулы лесничих луны или телохранителей темноты. Пусть люди думают, что у нас высокие побуждения, если в своей деятельности мы, подобно морю, руководствуемся положением луны на небе и действуем под ее охраной.

Принц. Очень дельное соображение. В судьбе награбленного такие же приливы и отливы, как на море. Например, прилив золота в понедельник, после грабежа, сменяется его отливом во вторник, после кутежа. За обмельением, которое спускает тебя вниз с трактирной лестницы, наступает наводнение, которое поднимает тебя на вершину виселицы.

Фальстаф. Клянусь Богом, это правда, мой ненаглядный. А скажи, разве моя трактирщица не сладкая бабенка?

Принц. Настоящий мед, старина. А скажи, разве не сладкая штука — куртка из буйволовой кожи?

Фальстаф. Что за дурацкие шутки, сэр! Черт поberi, какое мне дело до буйволовой куртки?

Принц. А какое мне дело до твоей трактирщицы?

Фальстаф. Ты ведь не раз сводил с ней счеты.

Принц. Разве я требовал с тебя твою долю?

Фальстаф. Отдаю тебе должное: там ты платил сам.

Принц. И там, и в других местах, пока у меня были наличные. Когда я садился на мель, я пускал в ход свой кредит.

Фальстаф. Да, ты не стеснялся, ты действовал как явный наследник трона. Кстати, скажи, неужели в твое царствование не отменят в Англии варварского обычая

вешанья и закон по-прежнему будет сковывать молодую предприимчивость? Слушай, когда ты воцаришься, не вешай, пожалуйста, воров.

Принц. Хорошо. Это будешь делать ты.

Фальстаф. В самом деле? Это очень мило с твоей стороны. Ты увидишь, я рассужу всех правильно.

Принц. Ты уже рассудил неправильно. Я собираюсь сделать тебя палачом, а не судьей.

Фальстаф. Ну что же, Гарри, спасибо. Я доволен всем, что бы ни шло от тебя: служить ли зрителем твоей тюрьмы или хранителем твоего гардероба.

Принц. Чтобы получать платье с моего плеча?

Фальстаф. Или с плеч казненных. Однако поговорим о другом. Я сегодня какой-то кислый, как выдранный кот или ученый медведь на привязи.

Принц. Или как беззубый лев, или как лютия влюбленного.

Фальстаф. Да. Или как сопенье линкольнширской волюнки.

Принц. Или как протухшее жаркое из зайца, или тоска Мурфильдских болот.

Фальстаф. У тебя самые неожиданные сравнения, и тем не менее ты самый несравненный, протоканальский и неподражаемый из всех принцев, каких я знаю. Но выслушай меня, Гарри. Перестань развращать меня. Подумай, как необходимо нам обоим доброе имя. А где приобрести нам этот товар? На днях мне попало из-за тебя на улице от одного королевского советника. Он говорил очень основательно, а я не обратил на него внимания. Тем не менее он говорил очень основательно. И, что существенно, при свидетелях.

Принц. Как по Писанию. Премудрость возвышает голос свой на улице, и никто не слушает ее.

Фальстаф. У тебя отвратительная привычка перевиравать тексты, способная соблазнить даже святого.

Ты в жизни оказал дурное влияние на меня, душа моя, да простит тебя Бог. До знакомства с тобой я был невинен. А теперь, говоря правду, я немногим лучше самых нечестивых. Я должен бросить такую жизнь, и я ее брошу, клянусь Богом, а если не брошу, можешь сказать, что я мерзавец. Никакой принц на свете не заставит меня погубить свою душу.

Принц. Где бы нам раздобыть денег на завтрашний день, Джек?

Фальстаф. Где вздумается, душенька, за мной дело не станет. А то можешь сказать, что я мерзавец, и лишить меня рыцарского достоинства.

Принц. Хорошо же подвигается твое исправление! От приступа благочестия к возобновлению воровства!

Фальстаф. В самом деле, Гарри? Ну что же, таково мое призвание. Каждый трудится на своем поприще.

Входит Пойнс.

А, вот и Пойнс. Сейчас мы узнаем, не выследил ли Гедсхил чего-нибудь нового. О, если бы на свете была справедливость, какое место в аду было бы достаточно жарко для него? Это негодяй самой чистой воды из всех когда-либо разбойничавших на большой дороге.

Принц. Здравствуй, Нед!

Пойнс. Здравствуй, Гарри. Ну, что говорит наш кающийся грешник? Как поживает наше вино с сахаром? Джек, чем кончились твои переговоры с чертом о твоей душе, которую ты ему продал в Страстную пятницу за бокал мадеры и холодную каплунью ножку?

Принц. Сэр Джон не нарушит слова. Черт получит свое. Джек верен заповеди. Дьяволу — дьяволово.

Пойнс. Да, чтоб не забыть. Господа, господа! Завтра в четыре часа утра всем быть в сборе на Гедских холмах. Мимо пройдут богомольцы в Кентербери и купцы с деньгами и товарами в Лондон. Я достал вам маски.

Лошади у вас свои. В ожидании нас Гедсхил будет ночевать в Рочестере. Завтра мы задаем пир в Истчипе. Дело не представит никакой трудности. Участникам я обеспечиваю полные карманы денег, уклонившимся желаю болтаться на виселице.

Фальстаф. Поедем, Гарри?

Принц. Кто? Я? Воровать? Грабить? Ни за что на свете.

Фальстаф. Значит, у тебя нет решимости рискнуть на десять шиллингов? Тогда нет у тебя никакой чести. Ты не мужчина и не товарищ и, уж во всяком случае, не принц королевской крови.

Принц. Эх, была не была, раз в жизни сделаю глупость.

Фальстаф. Вот это дело!

Принц. Будь что будет, остаюсь дома.

Фальстаф. Ну так клянусь Богом, когда ты станешь королем, я отплачу тебе государственной изменой!

Принц. Велика важность!

Пойнс. Сэр Джон, оставь меня с принцем наедине. У меня для него такие доводы, что он поедет.

Фальстаф. Хорошо. Да придаст тебе Бог убедительности, а ему разума, чтобы он понял, что шутки ради неподдельный принц может раз в жизни подделаться под вора. Прощайте. Вы найдете меня в Истчипе.

Принц. Прощай, закатившаяся молодость! Прощай, бабье лето!

Фальстаф уходит.

Пойнс. Ну вот. Милый, премилый принц, поедемте с нами завтра. Я задумал шутку, но с этим мне одному не справиться. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гедсхил совершат намеченное ограбление. Мы с ними не поедем. Когда они завладеют добычей, мы нападём на них и от-

нимем ее. Это будет замечательно, даю вам голову на отсечение.

Принц. Хорошо. Но как нам отвязаться от них при выезде?

Пойнс. Мы выедем до них или попозднее и назначим им место встречи. В нашей власти не явиться туда. Тогда они возьмутся за дело сами, и только доведут его до конца, как мы нападём на них.

Принц. Да, но ведь они узнают нас по нашим платьям, вооружению и лошадям.

Пойнс. Лошадей они не увидят. Я привяжу их в лесу. Маски мы переменим. А платье мы прикроем плащами. Я их приготовил.

Принц. Да, но сладим ли мы с ними? Их четверо.

Пойнс. Оставьте, пожалуйста. Двое такие трусы, каких свет не создавал, и моментально удерут. А третий защищается, только пока это не опасно. Мы их тотчас рассеем. Но дело не в этом. Главная умора в том, что нам будет врать за ужином этот плут и обжора. Мы услышим, что человек тридцать навалилось на него и как храбро он от них отбивался. И каково будет зрелище, когда мы уличим его!

Принц. Ладно. Я поеду. Позаботьтесь обо всем необходимом и приходите за мной завтра в Истчип. Я там буду ужинать. Прощайте.

Пойнс. Прощайте, милорд. *(Уходит.)*

Принц

Я всем вам знаю цену, но пока
Потворщик первый вашим безобразьям.
Мне в этом солнце подает пример.
Оно дает себя туманить тучам,
Чтоб после тем сильнее ослепить
Своим внезапным выходом из мрака.
Когда б мы праздновали каждый день,
То отдых был бы тягостней работы.

Но праздник — редкость, праздник —
торжество.

Нас радует лишь то, что непривычно.
Так именно, когда я прекращу
Разгул и обнаружу исправленье,
Какого никому не обещал,
Людей я озадачу переменной
И лучше окажусь, чем думал свет.
Благодаря моим былым порокам
Еще яснее будет, чем я стал,
Как оттеняет темная подушка
Блеск золота, лежащего на ней.
Все, что теперь я трачу на пирушки,
Со временем верну я до полушки.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Зал совета во дворце.

Трубы. Король Генрих на троне, кругом —
принц Джон, Нортумберленд, Вустер, Готспер,
сэр Уолтер Блент, рыцари, стража и свита.

Король

Я кроток был и слишком терпелив
И мог вам нерешительным казаться.
Вы бросили стесняться и теперь
Мое терпенье топчете ногами.
Но берегитесь, я переменюсь.
Я мягок был, как пух, как масло, гладок
И все спускал. Вот я и потерял
Свои права на ваше уваженье,
Которое привыкли воздавать
Лишь грубой силе люди грубой силы.

Вустер

Мой государь, наш дом не заслужил,
Чтобы ему о силе говорила
Та сила, для которой этот дом
Служил опорой при возвышеньи.

Нортумберленд

Мой повелитель...

Король

Вустер, выйди вон.

В твоих глазах недобрый блеск и вызов.
Вы слишком дерзки, сударь. Короли
Не терпят, чтоб на них смотрели хмуро.
Вы слышите? Вы можете идти.
Мы позовем вас, если будет нужно.

Вустер уходит.

(Нортумберленду.)

Вы что-то собирались нам сказать?

Нортумберленд

С отказом возвратить голмдонских пленных
Все обстоит не так, как донесли.
Сын отказал не так определенно,
И ваши сведенья — несчастный плод
Ошибки или недоразуменья.

Готспер

Я их не отказался выдавать,
А вот как было дело. После битвы,
Когда, склонясь на меч и чуть дыша
От напряженья ярости и жажды,
Сидел я, подошел какой-то лорд,
Нарядный, как жених, и свежебритый,
Как поле после жатвы. Он держал
Меж пальцев склянку с мускусной струею,
Вертел в руках, и нюхал, и чихал,
И нес какой-то вздор, и улыбался.

Когда солдаты стали выносить
Убитых, он им сделал замечанье,
Чтоб трупы проносили стороной,
Откуда не повеет разложением.
Так щебеча, он мимоходом, вскользь
Потребовал, чтоб я вам выдал пленных.
Я знаю, это право королей,
Но я взбешен был этим попугаем,
И раны о себе давали знать —
Ей-богу, я не помню, как ответил,
Что выдам пленных или не отдам,
Но я утратил самообладанье.
Он был прилизан и благоухал,
И рассуждал, как барышня, о пушках
И ранах, и хвалил мне спермацет
Как лучшее лекарство от контузий.
Он очень сожалел, что из земли
Выкапывают гадкую селитру,
Которая цветущим существам
Приносит смерть или вредит здоровью,
И уверял, что, если б не стрельба,
Он сам бы, может быть, пошел в солдаты.
Понятно, что на эту ерунду
Не мог я отвечать ему серьезно,
Чего прошу мне не вменять в вину,
Чтоб неприятность с этим господином
Не стала разделяющей стеной
Меж вашим тронem и моей любовью.

Блент

Забудем этот случай, государь.
Смягчающих так много обстоятельств!
Каких бы Гарри Перси ни сказал
Случайных слов такому-то тогда-то,
Они перестают существовать,
Раз он теперь готов их взять обратно.

Король

Но пленных и сейчас он не дает.
Он ставит предварительным условием,
Чтоб выкупили шурина его,
Безумца Мортимера. А известно,
Что Мортимер нарочно погубил
Моих солдат и сдался в плен Глендауру,
На дочери которого женат.
На что теперь мне этот перебежчик?
К чему на труса истощать казну?
Он вырыл яму сам себе, предатель.
Пусть помирает с голоду в горах.
Клянусь, я буду всех считать врагами,
Кто грош хотя б попросит, чтоб помочь
Нарушившему верность Мортимеру.

Готспер

Нарушившему верность! Но кому
Нарушил верность он? Измена разве,
Что счастья не было ему в бою?
Чтоб рот зажать всем этим наговорам,
Достаточно напомнить, сколько ран
Он получил в смертельном поединке
С Глендауром! Схватка длилась целый час.
Поймите, как она была упорна!
Бойцы, переводя три раза дух,
Из Северна три раза пили воду,
Поток которого бежал, журча,
Меж камышей, дрожавших от испуга.
Кто б стал так сильно кровью истекать
И жертвовать собою для притворства?
Нет, не ломал комедий Мортимер.
Все это выстрадал он добровольно.
Поэтому не надо клеветать
И случай с ним изображать изменой.

Король

Неправда все с начала до конца.
Ты выдумал, не дрался он с Глендауром.

(Поднимаясь.)

Он с дьяволом один бы на один
Мог драться с той же самою удачей.
Тебе не стыдно врать? Но все равно.
Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!
Пришли мне пленных, и поторопись,
А то заговорю я по-другому.
Я не шучу. Милорд Нортумберленд,
Мы разрешаем вам уехать с сыном.

(Уходя.)

Пришли мне пленных, чтоб не пожалеть.
Трубы. Все уходят, кроме Нортумберленда
и Готспера.

Готспер

Нет, не пришлю ни за какие деньги.
Сейчас за ним вдогонку побегу
И прямо выложу, что накипело,
Хоть стоило бы это головы.

Нортумберленд

Да ты с ума сошел? В припадке гнева?
Остановись. Вот дядя твой идет.

Возвращается Вустер.

Готспер

«Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!»
А я хочу и буду говорить.
Пусть сгину я, когда я с ним не сблизусь.
Да нет, я кровь свою отдам за то,
Чтоб Мортимера увидеть на троне,
Где восседает этот самодур,
Проклятый Болингброк неблагодарный.

Нортумберленд (*Вустеру.*)

Вот до чего довел его король.

Вустер

О чем шла речь у вас, когда я вышел?

Готспер

Он хочет пленных всех до одного.

Мое условие — выкуп Мортимера.

Едва он это имя услышал,

Как вздрогнул и позеленел от злости.

Вустер

Еще бы! Мортимер был наречен

Преемником покойного Ричарда.

Нортумберленд

Я был при том и слышал сам указ.

Ричард его наследником назначил

Пред выездом в Ирландию, в поход,

Откуда, по причине наших козней,

Он должен был вернуться и затем

Был свергнут и убит.

Вустер

За умерщвление

Которого должны мы отвечать

И опозорены пред целым светом.

Готспер

Я не ослышался? Король Ричард

Наследником назначил Мортимера?

И вы при этом были?

Нортумберленд

Да, я сам.

Готспер

Тогда я ничему не удивляюсь,

И мне понятно, почему король

Мог пожелать ему голодной смерти.

Но вы-то что смотрели? Для чего

Надели вы венец на человека,

Не помнящего вашего добра?
Зачем участвовали в преступленьи?
Затем, чтоб стать во мнении людей
Сообщниками зла, орудьем казни,
Подобно виселице, топору,
Ступенькам лестницы или веревке?
Вы видите, не ставит ни во что
Вас этот изворотливый правитель!
Так что ж, терпеть и дальше этот стыд?
Ведь в будущем прочтут и не поверят,
Как люди лучшей крови, вроде вас,
Могли содействовать такой проделке
(А видит Бог, как вы повинны в ней),
Что вырван был Ричард, цветущий розан,
И насажден терновник Болингброк.
Но разве это все? Вдвойне позорно,
Что вас забыл, надул и гонит прочь
Тот, для кого покрылись вы бесславьем.
Но честь не поздно ведь еще спасти
И сызнова подняться в общем мненьи.
Достойно отомстите королю
За эту наглость обращенья с вами.
Он спит и видит, как бы вас сгубить,
Чтоб навсегда покончить с вами счеты.
Поэтому...

Вустер

Племянник, перестань.

Сейчас я загляну с тобой, как в книгу,
На дно души, где я таю мечту
О страшном шаге. Этот шаг опасен,
Как переход по тонкому копыю
Над пропастью с клокочущим потоком.

Готспер

Что ж, и пройду. А если упаду,
Мне, значит, утонуть судьба сулила.

Во мне опасность зажигает кровь.
Не нахожу забавы в травле зайцев:
Достойнее охотиться на львов.

Нортумберленд

Чуть услышал про трудную задачу,
Воображенье так уж и кипит.

Готспер

Поверите ли, для стяжанья славы
Я, кажется, взобрался б на луну
И, не колеблясь, бросился б в пучину,
Которой дна никто не достигал.
Но только б быть единственным и первым.
Я в жизни равенства не признаю.

Вустер

Он бог вещь где витает и не хочет
Перенестись сюда на землю к нам.
Минуты две внимания, племянник.

Готспер

Позвольте, дядя...

Вустер

Вот что я скажу:

Шотландских пленных...

Готспер

Я себе оставлю.

Хотя б спасение его души
Зависело от них, он не получит
Ни одного шотландца.

Вустер

Погоди.

Ты слова не даешь сказать. Шотландцев
Ты можешь не давать.

Готспер

И не отдам.

Не сомневайтесь. Он платить не хочет
За выкуп Мортимера, запретил

О Мортимере даже заикаться,
Но я зайду к нему, когда он спит,
И громко крикну имя Мортимера.
Нет!
Я этим звукам выучу скворца
И дам ему, чтоб злить его, в подарок.

Вустер

Племянник, слушай. Слово дай сказать.

Готспер

Торжественно пред вами отрекаюсь
От всех желаний, кроме жажды мстить
И злить как можно больше Болингброка.
А принца Уэльского я б отравил
Стаканом пива, если б не боялся,
Что этот сын в обузу королю
И он обрадуется избавленью.

Вустер

Прощай, племянник. Мы поговорим,
Когда ты будешь несколько спокойней.

Нортумберленд

Кто укусил тебя, что ты оглох?
Откуда это женское упрямство?
Ты не желаешь слушать никого.

Готспер

Когда заходит речь о Болингброке,
Я весь горю, и трудно усидеть,
Как от ожогов розог и укусов
Или крапивы, или муравьев.
Вы помните — постойте! — при Ричарде —
Забыл название замка, как его,
Ах, черт возьми, ну этот, в Глостершире,
Где дядя короля, безумный Йорк,
Стоял двором, — в том самом замке, словом,
Где я склонил колени в первый раз
Пред королем улыбок, Болингброком.

Черт! Вертится на языке. В тот день
Вы с ним приехали из Ревенсперга.

Нортумберленд
Не в замке Беркли?

Готспер

В нем, конечно, в нем.

Как предо мной тогда он рассыпался!
Как по-собачьи льстил и лебезил!
«Я отплачу, когда я выйду в люди».
«Мой Гарри Перси», «Мой названный брат».
Чтоб черт тебя подрал, какой обманщик!
Ну погоди же ты, прости Господь!
Теперь я кончил. Говорите, дядя.

Вустер

Да нет, мы подождем.

Готспер

Я все сказал.

Вустер

Тогда еще раз о шотландских пленных.
Ты их без выкупа освободи.
Сын Дугласа за это пусть поможет
Тебе набрать в Шотландии солдат.
Зачем они понадобятся, после
Я точно изложу тебе в письме.

(Нортумберленду.)

А вы, милорд, пока он будет занят
В Шотландии, должны расположить
Его преосвященство в нашу пользу.

Готспер

Епископа Йоркского?

Вустер

Ну да.

Он не простил, что в Бристоле казнили
Его родного брата. Он отмстит

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНРИХ IV. Часть первая	
<i>Перевод Б. Пастернака</i>	5
ГЕНРИХ IV. Часть вторая	
<i>Перевод Б. Пастернака</i>	115
ГЕНРИХ V	
<i>Перевод Е. Бируковой</i>	235
Послесловие к «Генриху IV». А. Аникст	360
Примечания к «Генриху IV». А. Смирнов	376
Послесловие к «Генриху V». А. Аникст	386
Примечания к «Генриху V». А. Смирнов	394